

К Р О К О Д И Л

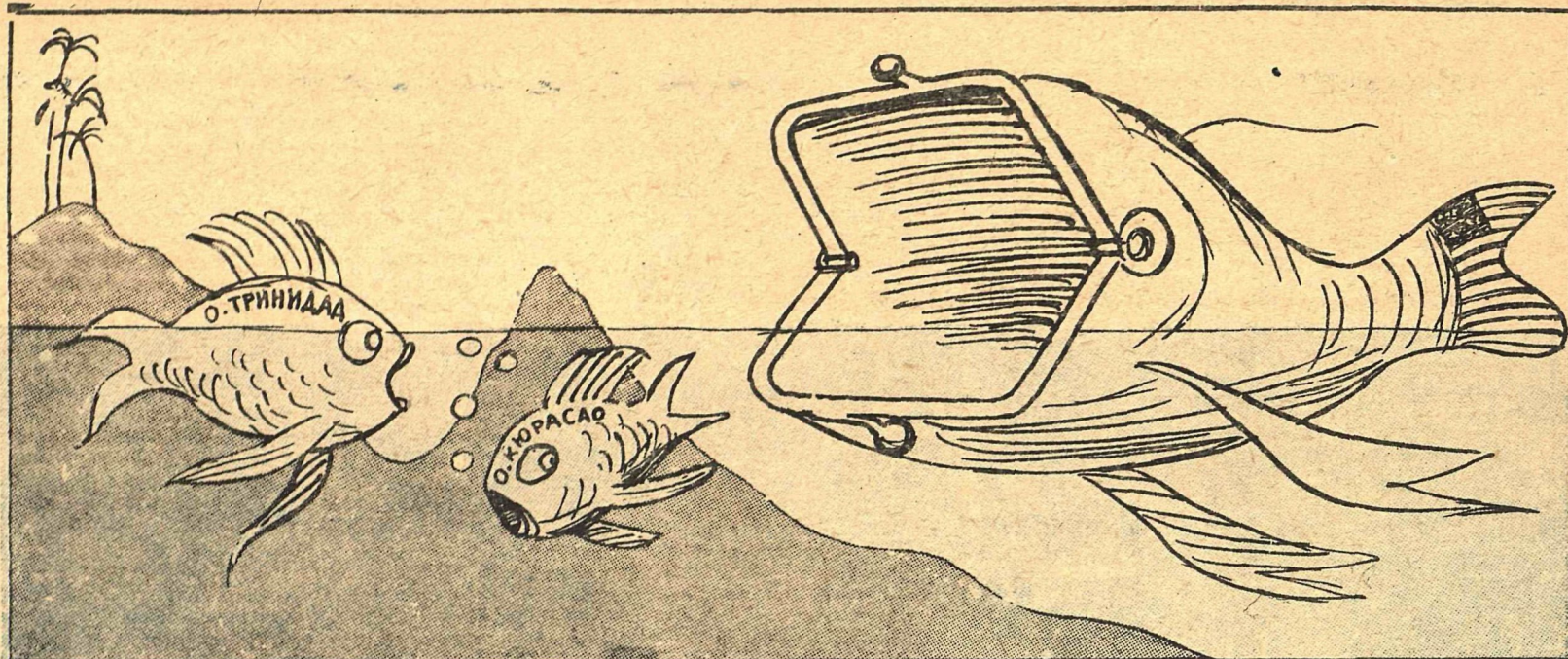

БИОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЛЕТУНА
— А теперь куда?

Рис. К. Елисеев

К 556/41г

Рис. Л. Бродаты

Широко открытая помощь

Через пять лет

НЕСКОЛЬКО лет тому назад мне случилось быть в студенческом общежитии одного из московских институтов. Хотя бы в большой и веселой комнате с кроватями по стенам и столом посередине приняли меня радушно. Они весело рассказывали о своих делах, чаяниях, развлечениях. Мое внимание привлек молодой человек, который мало принимал участия в разговоре. Этот студент минут десять провозился, наблюдая, правильно ли лежит складка его аккуратно выгуженных брюк. Затем он завязывал галстук сосредоточенно, как хирург, делающий операцию. Потом напялил на себя джемпер такой буйной расцветки, что у меня зарыбило в глазах.

— Евтихий, ты куда? — спросил этого франта один из студентов.

— На концерт иду.

— А билет у тебя есть?

— Нет, — ответил Евтихий и самодовольно оскабился.

Молодые люди как-то все вместе всплеснули руками и поощрительно засмеялись. Один из них обратился ко мне:

— Вот молодец — наш Евтихий. Слышали? Билета у него нет, а будьте спокойны: концерт он прослушает весь и на самом лучшем месте будет сидеть.

Под восхищенными взглядами товарищей Евтихий ходил по комнате, как цирковая лошадь, медленно перебирая руками и ногами. Он окинул взглядом ребят и милостиво сказал:

— Ну, братва, кто хочет со мною идти? Гарантирую кресло не далее восьмого ряда. Клонин, пойдем, что ли?

Маленький и плотный Клонин с розовыми щеками, с волосами, которые торчали во все стороны, натужился, вздохнул и отрицательно покачал головою:

— Не могу, Евтиша, понимаешь, надо еще кое-что подзудрить.

Элегантный Евтихий пренебрежительно махнул рукою. В комнате захихикали:

— Да уж, Евтихий над лекциями долго не сидит. Он у нас по другой части специалист: театр, кино, дискуты... Он даже с одной народной артисткой знаком. На квартиру к ней ходил.

— Вот как? — заинтересовался я. — Каким образом?

— Очень просто, — с наитранным равнодушием отозвался Евтихий, — узнал адрес, зашел. «Так и так, говорю, хотел бы иметь автограф Александры Кирилловны...» Ну, вышла, надписала, еще расспрашивала, как живу, как учусь.

— А действительно, как вы учитесь? — спросил я.

Евтихий не успел ответить. Целый хор голосов откликнулся за него:

— О, на этот счет он у нас земло роет!

— По части одурачивания профессоров наш Евтиша — первый человек. Вы только на ногти его посмотрите.

Все засмеялись, а я посмотрел на руки Евтихия и убедился, что ногти у него были, действительно, на редкость длинные.

— Для чего вам такие ногти?

— Для цифр.

— Для каких цифр?

— Ну, для формул. Что потруднее — написать на ногтях, вот у тебя и справочник под носом. Ни один профессор не отнимет.

— Что там ногти! Пусть он вам про лук расскажет!

— Действительно, было дело и с луком, — снисходительно улыбнулся Евтихий. — У нас по механике доцент Зяблин. Ну, известно, что человек мяккий. Вот я взял с собою разрезанную луковицу. Он меня спрашивает, а я ничего не знаю. Я отвернулся, понюхал лук, — конечно, слезы. Зяблин испугался: «Что с вами?» Я говорю: «Сестра при смерти... Мне не до учения...»

— Ловко? А со стеной, со стеной что было!

Опять началось сильное возбуждение. Наперебой студенты рассказали мне, что хитроумный Евтихий написал трудные формулы на брандамузере, который виден был из окна аудитории. Когда профессор спрашивал его, Евтихий будто бы рассеянно глядел в окно и читал написанные на стене формулы.

Вероятно, рассказы о подвигах Евтихия продолжались бы и дальше, но он, закончив свой туалет, отправился в концерт. Это повернуло беседу на другие темы...

Прошло лет пять. Однажды встретил я в метро солидного молодого человека в костюме, который показывал, что его обладатель нечужд интереса к своей внешности. Лицо

молодого человека показалось мне знакомым. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся и произнес:

— Не узнаете? Инженер Евтихий.

— Да, да, да, — неуверенно подхватил я. — Как же, как же... Не помню только, где мы встречались...

— А вы к нам в общежитие приходили, когда я еще студентом был.

— Совершенно верно! Вы еще тогда были большим любителем концертов, театров... И теперь, наверное, часто посещаете театры?

— Нет. Это все в молодости, знаете, занятно было, пока был интерес пробираться без билета, а сейчас не то на уме...

— Вы инженер?

— Ага! Конечно, хотели меня по окончании перебросить в провинцию, но не тут-то было. Не на такого напали. Сейчас работаю в Сантеплотехпроекте... варнее, работал...

— Ушли?

— Не совсем... Я в данный момент конфликтую.

— Из-за чего же?

— Ну, вы знаете, как у нас ценят людей...

К ним приходит работать интеллигентный человек, так они выдумывают, что я не знаю техники... Теперь они каждый день бегут ко мне просить обратно. Но я говорю: об этом не может быть и речи. И единственно, о чем я их прошу, — это вычеркнуть из приказа, что меня уволили ввиду технической безграмотности.

Так как говорить с ним больше было не о чем, я пошарил в памяти и спросил, чтобы избежать паузы:

— А где сейчас этот студент, которого вы, я помню, все звали в концерт, а он хотел учить чего-то там?..

— Клонин? Вы не можете себе представить... Такой оказался ловчила... Изобретение сделал, и, говорят, важное. Третьего дня раскрываю я газету — фотография: «Депутаты Верховного Совета РСФСР в кулуарах сессии». И можете себе представить: на снимке наш тихоня Клонин!.. Я прямо ахнул. Думаю: откуда что взялось? Ведь мы-то его знали... Только и умел, что зачеты сдавать... На этом мы и расстались.

В. АРДОВ

Завком Горьковского автозавода им. Молотова расходует на содержание футбольной команды 450 тыс. руб. в год.

Легко забили и легко пропустили

Редколлегии Журнала "Крокодил"

Соборная вась т. Крокодил о том что я директор
Трикопачной ф-ки и 5-й пеканей и др. Промкомбината
З. В. О. К. В. М. У. Д. С. О. М. И. А. М. И. Т. И. Н. О. В. Р. Е. В. И. К. И.
В том что я в полном смысле слова, что подни-
сется никогда не смотрю, шипю пиками где
попала на них шипю пиками бумажки.
Шипю поднишу и удивляюсь пиками.

Революция Крокодила: Не смеем спорить, тов. Соловьев. Вам виднее. Ждем дальнейших признаний.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Рис. Б. Пророкова

— Никто меня не любит... Все отворачиваются... И милиция тоже.

Короткие рассказы

ЦЕНИТЕЛЬ

Подкидывая на руке толстый том «Анны Карениной», критик говорил:

— Длинные, невыносимые длинные! Короче, короче, экономнее надо! Новеллочку надо было. Но не умел старик, не умел! Вот я бы смог...

И написал на листочке размером с рецепт: «Меняем одн. больш. хор. комн. на две в разн. районах. Все удобств. Спросить Карениных».

«Две комнаты в разных район. меняем на одну большую. Спросить Вронского».

ШИРОКАЯ НАТУРА

Ассистент кинорежиссера шептал:

— Да... Сценарий ничего, но природы, натуры нет! Все в четырех стенах. Так и лето может пропасть. Ни моря, ни леса...

— Это ерунда! — сказал режиссер и вставил несколько кадров с указанием:

«Море голов».

«Лес рук».

И экспедиция выехала к морю и лесу.

СОВМЕЩЕНИЕ

Собрание руководящих работников зоосада открылось. Директор постукал карандашом и сказал:

— На очереди сокращение штатов. И я должен прямо сказать: штаты у нас разбухли. Походите по зоосаду, вы увидите столько бездельников!.. Возьмите Гришу, Надю, Петю...

Гриша, Надя, Петя взглянули на директора — своего близкого родственника.

— Возьмите вот Надю. Ну что она за год сделала?

Надя покраснела. Один из сотрудников сказал:

— Я присоединяюсь к мнению директора. Действительно, Надежда Степановна — малопенный...

Директор насторожился:

— При чем здесь Надежда Степановна?.. Я говорю о львице Наде. Что она сделала? Сидит целый день в клетке. Хватит двух львов, а Надю можно сократить и передать в другой зоосад. А тигр Петя?

— Может быть, ограничимся Надей? — сказал сотрудник. — А то сразу двух из одного семейства кошек.

— Ах, вы семейственность защищаете? Ну нет...

Вечером Гриша, Надя, Петя говорили директору:

— А мы думали, дядя, это вы о нас.

В. ТОБОЛЯКОВ

Классические случаи

НОВОЕ В ФИЗИКЕ

Из Сандундовских бань великий Архимед бежал в костюме праотцев и в мыле.

— Открыли что-нибудь?

А он в ответ:

— Наоборот, горячий кран закрыли!

РАПОРТ ГЕРКУЛЕСА

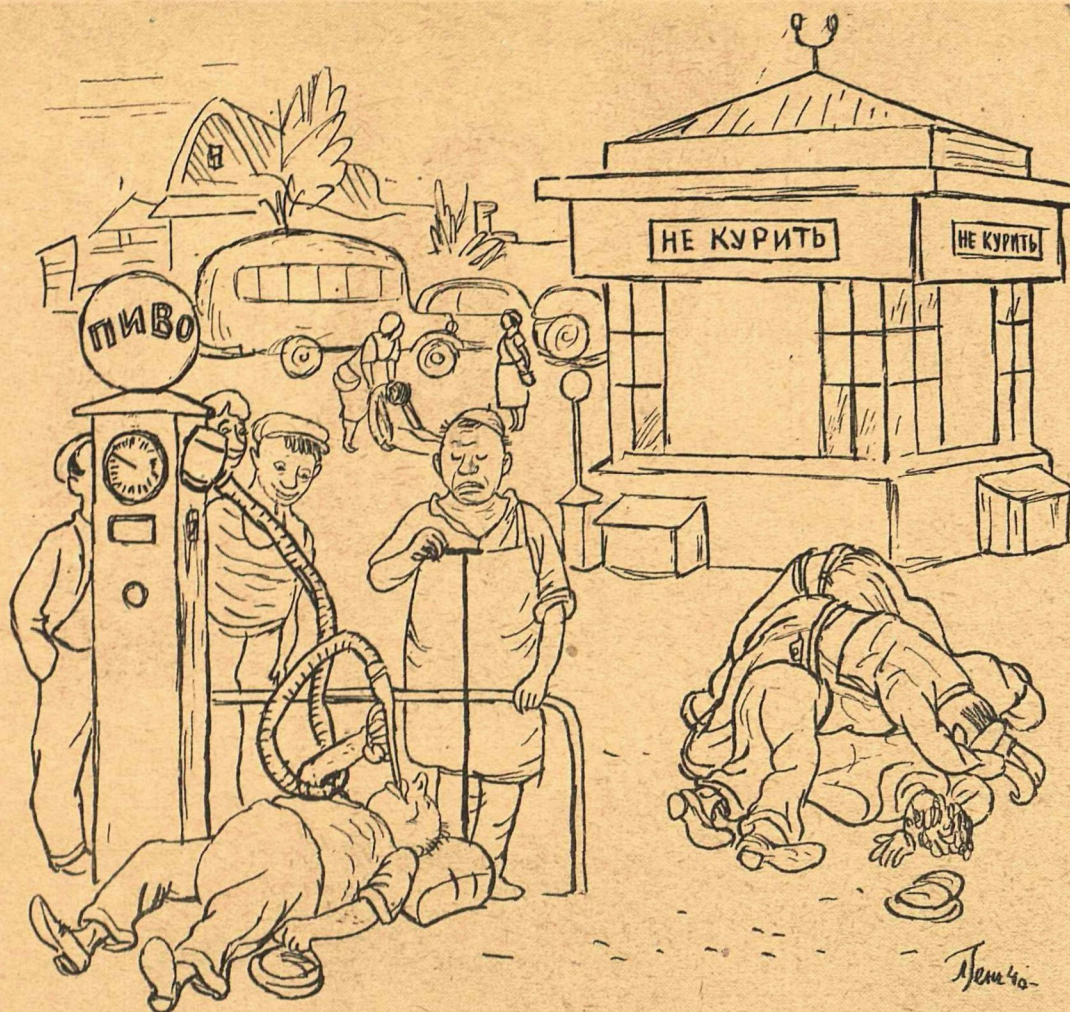
На пляже Гераклес заметил гору Об'едков, щепла и другого сору.

Печальный Гераклес достал тетрадь

И записал в ней: «Мой покой нарушен:

С сего числа прошу за подвиг не считать Очистку мной авгиевых конюшен!»

В. ГРАНОВ

Мечты шофера-лихача.

Парад бессмертных

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

А. Кипренский в статье «Язык и стиль Тургенева» («Литературная учеба» № 1 за 1940 год) справедливо восхищается красотой тургеневского языка. В доказательство его поэтичности А. Кипренский даже разбивает тургеневскую прозу на стихотворные строчки:

«И вдруг мне почудилось;
Зовет меня кто-то Васиним голосом,
Оступилась, да о землю хлоп...
Стала и сохнуть, чахнуть;
Трудно мне стало ходить,
Ни стоять, ни сидеть не могу;
Все бы лежала...
Все хуже и хуже.
Что за болезнь у меня такая?»

Утверждая, что «Тургенев ревниво оберегал чистоту и истинность русской речи», сам Кипренский изъясняется на странном наукоподобном жаргоне. Если с ним проделать то, что он проделал с Тургеневым, то поэтические качества его речи обнаружатся бы во всей красе:

«Синтаксические конструкции
Речи действующих
Лиц отличаются
Исключительной изобразительностью.
В органическом
Сочетании
С ритмом и интонацией
Они достигают
Типической характерности
И выразительности...
Социальная функция
Речи и ее
Художественное назначение
В произведениях Тургенева
Слиты органически...»

В статье говорится: «Тургеневский словарь не выходит за пределы общеупотребительного литературного языка своего времени».

Чего нельзя сказать о «синтаксических конструкциях» А. Кипренского!

С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ

В. Шефнер в журнале «Литературный современник» (№ 3 за 1940 год) в сильно лирической форме сообщает о следующем железнодорожном происшествии. Проезжая мимо некоего полустанка, поэт вспомнил, что именно здесь он когда-то расстался с любимой девушкой (ох, уж эти поэты!):

«В душе проснулась дремлющая рана,
И мне хотелось, веря в эту ложь,
Нажать на ручку тормозного крана.
— К чему, к чему? Ведь юность не вернешь!»

К счастью для пассажиров, философская сентенция вовремя остановила нарушителя железнодорожных правил и его самого избавила от штрафа. Не вышло скандала — зато вышло стихотворение! Вот они, истоки лирической поэзии! Тут дело ясное. А в другом стихотворении, наоборот, не все ясно. В. Шефнер пишет:

«Но если есть любовь на этом свете,
То я любил...»

И действительно, неясно: «на этом» ли свете есть любовь или... на каком-то другом?

Наш поэт явно витает в небесах: то хочет поезд остановить, то забывает, на каком свете находится.

Спустившись на землю, он, однако, мог бы скоро убедиться в том, что поэзия — дело более трудное и серьезное, чем изготовление старомодных альбомных стихов.

ЗОЯ КАБУЛЬ

Чисто нервное

ЗАЗНОБИНА, Игната Киреевича, я знаю давно, лет шесть, если не ошибаюсь.

Познакомился я с этим нервным человеком в поезде, на пути из Иванова в Москву. В Иванове уже после второго звонка влетел в наше купе (там был я и еще два пассажира) запыхавшийся взлохмаченный очень коротенький гражданин. Он был немногим больше фанерного чемоданчика, который держал в руках. И если бы не маленькие, узенькие усики, которыми была оторочена его верхняя губа, можно было подумать, что перед нами лилипут-переросток.

На к кому не обращаясь, он вслух сказал: — Ага! У меня, значит, нижнее место.

Затем, оглядев нас, произнес тоном сурового судебного следователя:

— Граждане, сознавайтесь, кто из вас боится щекотки? А?

Признаться, мы смутились. Каждый из нас за свою жизнь заполнил десятки разных анкет. Но на такой вопрос никому не приходилось отвечать.

— Я хочу предупредить вас, — продолжал он, — что во сне я слегка буйствую. Чисто нервное. Неестественно кричу, пою тенором и бросаюсь на людей. Так вот я прошу вас не пугаться. Не кусаюсь, не царапаюсь, боже упаси. Но могу пощекотать. Ничего страшного в этом нет — чисто нервное.

Сказав это, он вынул из чемодана полотенце, мыло и вышел из купе. Мы, трое пассажиров, с ужасом взглянули друг на друга.

— Очень веселая ночька будет, — сказал со вздохом пассажир, чье место было внизу, по соседству с коротеньким гражданином. — Вам-то обоим наверху ничего. А я на передовых позициях. На линии огня. На меня этот псих на первого набросится. Спать не придется. С детства терпеть не могу щекотки...

Я поднялся к себе наверх и скоро крепко заснул. Проснулся я утром — подъезжали к Москве.

Первым делом я осмотрел купе: мой сосед, верхний пассажир, спал. Невинным сном младенца спал и коротенький гражданин. Но его сосед, бледный, усталый, изможденный, сидел и вел отчаянную борьбу со своей непокорной головой, которая ежеминутно скапывалась то на правый, то на левый фланг.

— Ну что? — спросил я его шопотом. — Как жизнь молодая?

— Спасибо. Дрыхнет мерзавец, как мертвец, и не думал просыпаться.

Короче говоря, ночь прошла спокойно.

В Москве, на остановке такси у вокзала, мы очутились рядом — я и коротенький гражданин. Разговорились.

— Позвольте представиться, — сказал он, очаровательно улыбаясь. — Зазнобин, Игнат Киреевич, консультант. Как изволили почивать?

— Я-то хорошо спал. А вот ваш сосед...

— Боялся щекотки? Чудак! В жизни не было случая, чтоб я ночью просыпался. И в жизни не было факта, чтоб я кого-нибудь щекотал. Не люблю глупых шуток, но я в дороге боюсь за свои вещи: сплю-то мертвым сном. Вот и выдумываю всегда историю со щекоткой. Какой-нибудь чудак не спит всю ночь... Ну я бережет мой чемодан: Я иногда, извиняюсь, и соврать могу. Но это ничего — чисто нервное...

Надних в одном московском учреждении я наткнулся на Зазнобина. Я спросил сослуживца Игната Киреевича:

— Что у вас делает этот коротенький человек?

— Зазнобин? О, мал золотник, да дорог! Он работает в секторе проектирования. В нем там души не чают.

— Хороший работник?

— Не сказал бы. Но у него в любую минуту может появиться нервный тик. Это и ценят.

А ценят, как я узнал в дальнейшем, вот почему.

Возглавляет это учреждение человек, который называется начальником. Но он только так называется и так подписывается. В деле, к которому он приставлен, он понимает столько же, сколько телеграфный столб в телеграммах.

До этого сей начальник целых два месяца руководил, если так можно выразиться, институтом метрологии.

Но оттуда он скоростно ушел. А ушел он вот по какой причине. Собрал он однажды сотрудников и прочел им внушительный двухчасовой доклад о погоде: о заморозках, ветрах и прочих прохладительных явлениях.

Сотрудники с изумлением слушали климатические откровения своего начальника. Почему и с какой стати лекция о погоде для работников мер и весов? Потом выяснилось: начальник был уверен, что он работает не в институте метрологии, а метеорологии.

И он ушел. Точнее, его «ушли». С тех пор стал осторожен. Бойлся написать «утвердить» и не решается сказать «отклонить». Его мнение по любому вопросу колеблется то в одну, то в другую сторону, как степной ковыль на ветру.

Соглашается он полностью с мнением того, с кем в данную минуту разговаривает. Дадут ему проект на рассмотрение и утверждение. Он спрашивает мнение Сидорова. Сидорову проект нравится.

— Вы правы! — говорит начальник. — Замечательный проект!

Затем к нему приходит Егоров. По мнению Егорова, проект удовлетворителен, но нуждается в доработке.

— Вы правы! — говорит начальник. — Надо еще кое-что доработать.

Вслед за этим к нему приходит Кузьмин. Он категорически возражает против проекта.

— Вы правы! — говорит начальник. — Проект никуда не годится.

Но тут опять приходит Сидоров, которому проект нравится. И начальник говорит:

— Вы правы! Замечательный проект!

Но ведь может еще придти Егоров или Кузьмин. Как же быть?

Вот тут-то на сцену выплывает коротенький Зазнобин. За окончательной резолюцией к начальнику посылают его, всемогущего Игната Киреевича.

Начальник боится его, как эпидемии. Ему, Зазнобину, перечить опасно. У него моментально появляется нервный тик. Зазнобин начинает затейливо крутить головой, а рот делает такие движения, как будто ловит губами пролетающих по кабинету мух.

Начальник при виде этого бледнеет и стремительно ставит свою визу на проекте.

— Короче говоря, — закончил свой рассказ соотруженец Игната Киреевича, — пока у нас такой начальник, Зазнобину жить да поживать и добра наживать...

Г. РЫКЛИН

Ученый спор

(ИНДУССКАЯ БАСНЯ)

Слепцы, число их было пять,
В Бомбей явились изучать
Индийского слона.

Исследовав слоновий бок,
Один сказал, что слон высок
И прочен, как стена.

Другой по хоботу слона
Провел рукой своей
И заявил, что слон — одна
Из безопасных змей.

Ощупал третий два клыка,
И утверждает он:
— На два отточенных штыка
Похож индийский слон!

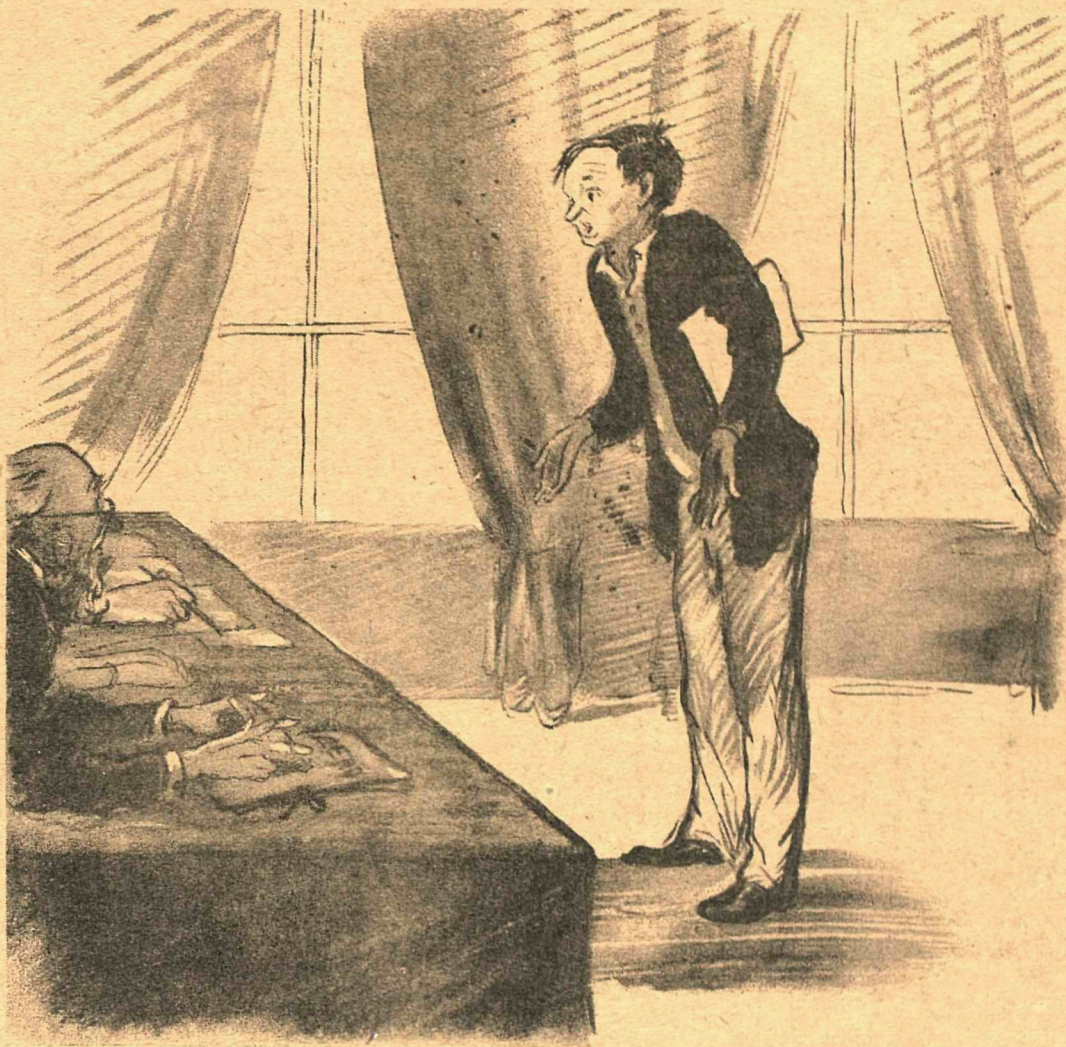
Слепец четвертый, почесав
Колено у слона,
Установил, что слон шершав,
Как старая сосна.

А пятый, подойдя к слону
Со стороны хвоста,
Определил, что слон в длину
Не больше чем глиста.

Возникли распри у слепцов
И длились целый год.
Потом слепцы в конце концов
Пустили руки в ход.

А так как пятый был силен,
Он всем зажал уста.
И состоит отныне слон
Из одного хвоста!

С. МАРШАК

— Помилуйте, я не могу ехать из Москвы. Я занят изобретением.

— Каким?

— Изобретаю проект, как не поехать в провинцию.

БОЕВИК

Бобруйск — единственный город в Союзе, в котором демонстрировался американский фильм «Сорочинская ярмарка» («Sorotchinska jarmarka»).

Представляем себе, какая развесистая клюква получилась у американцев. Действие, наверное, разворачивается в Техасе. Милая Параска превратилась в мисс Парасию (Parasia), дочь зажиточного фермера Черевика (Tcherevik). Красавец Грицко функционирует как ковбой Гарри и т. д. и т. п.

Но, увы, при ближайшем рассмотрении удалось установить, что вместо американского боевика демонстрировалась «Сорочинская ярмарка» Украинфильма и что развесистую клюкву, скорей, насадила администрация бобруйского кинотеатра «Просвещение» вкупе с редакцией бобруйской газеты «Коммунист», чему свидетельство следующее объявление, напечатанное в «Коммунисте»:

КИНОТЕАТР «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

С 16 мая американский звуковой художественный фильм
«Сорочинская ярмарка».

НАПАДЕНИЕ НА ПУШКИНА

Александр Сергеевич Пушкин был не только гениальным поэтом: он явился также создателем русского литературного языка.

И вот почему так грустно читать в газете города Пушкина «Большевистское слово» такие «перлы»:

«Царское село нельзя было отнести ни к селу ни к городу... Это была какая-то аномалия: роскошные дворцы и парки, словно упавшие, как болид, по средине захолустного городишка... Его дворцы были позолотенными клоаками».

А в заметке П. Сергеева «Пушкин в Царском селе» читаем:

«Холодной жестокостью, злой волей и бесправием веет от портрета императора Николая I».

Портрет, от которого веет бесправием, — это нечто новое в литературе. Зато манера П. Сергеева мыслить и выражаться — старая. И веет от нее безграмотностью и халтурой.

А ТУФЛИ-ТО ПОЧЕМУ..

Когда-то извозчики с серьезным видом подкрепляли свои претензии:

— А овец-то нынче почему?!

Учитывая невысокий культурный уровень деятелей извозного промысла, клиенты прощали им столь грубое обоснование своих рваческих претензий.

Сейчас ни один уважающий себя шофер не станет так разговаривать с пассажирами. Тем более странно читать письмо, присланное на завод «Москабель» доктором технических наук профессором Б. Угрюмовым:

«В ответ на Ваше отношение за № 09—14 сообщаю мое согласие на разовые консультации и выезды на Ваш завод по мере необходимости с оплатой в триста рублей (триста р.) за консультацию (стоимость одной пары туфель на кожан. подошве)».

С каких это пор обувь стала критерием в оценке научных работ? Неужели при составлении консультаций эта часть туалета подвергается наибольшему износу?

Или причины следует искать в сапожнике? Всякий раз, когда многоуважаемый доктор технических наук заказывает себе туфли (на кожан. подошве), кустарь-одиночка предупреждает, что туфли обойдутся в 300 рублей (стоимость 1 консультации, размером в 1/2 странички на пишущей машинке).

Если последний вариант верен, то нельзя же потрафлять собственническим тенденциям мелких кустарей и ставить под удар строго научные консультации!

Исказители и сказители

МЕСЯЦА два тому назад в районный городок Чуйск приезжал Владислав Червоточин. Ему были надобны колхозные сказы, прибаутки, поговорки, былины...

Прибыв в Чуйск, Червоточин первым делом пошел в редакцию районной газеты, полагая, что найдет там нужный ему фольклор и сегодня же уедет обратно. Червоточин в редакции встретили сравнительно радушно, но о фольклоре сказали, что в редакционном портфеле его нет и никогда не было. Червоточин опечалился, заворчал:

— По меньшей мере странно. Ваш район передовой, о нем часто пишут в газетах, и, по нашим сведениям, ваши колхозники сложили такие сказы, саги, былины, которые, может быть, не уступают по своим качествам «Слову о полку Игореве». А вы сидите тут и ничего не видите, не слышите...

Он в тот же день уехал куда-то дальше, но сотрудники газеты расстроились: дескать, может быть, и в самом деле, прозевали какое-нибудь «Слово о полку Игореве».

— Вот что, Вася! — сказал редактор самому энергичному своему сотруднику Гречкину. — Съезди денка на два в Сисякино и займись фольклором. Мобилизуй на это дело всех сисякинских селькоров. Дадим в первомайском номере специальную страничку.

Редактор, встретившись в этот вечер с секретарем райкома Табачниковым, рассказал ему, каков будет первомайский номер газеты. Выслушав редактора, секретарь сказал:

— Вот насчет фольклора сомневаюсь. За два дня такое дело не сделаешь. Настоящий фольклор — это как золотые самородки. Не потеешь — не найдешь. А ты за два дня целую страницу хочешь сделать.

Редактор подумал и сказал:

— Ну, ничего: Гречкин сделает!..

Вася Гречкин, прибыв в Сисякино, заработал весьма энергично. Между прочим, он израсходовал тридцать рублей на старуху, о которой ему сказали, что в молодости она была первой песенницей в деревне. Старуха оказалась лукавой. Сперва она петь не хотела и объясняла свой отказ хитро: «Какое, мол, уж мои песни, в моей голове старина перемешалась с нынешним временем, и когда я чего пою про себя, то к старой песне прилепляю все новые слова, и уж теперь не поймешь, какие мои песни: старые они или нынешние...»

«Вот это-то мне и надо», — подумал Вася. Он купил старушке полушало, и тогда она запела. Спела она «Ах, вы сени, мои сени», «Во лузях» и еще «Не осенний мелкий дождичек»... Иногда она, действительно, вставляла в песни новые слова: например вместо «Сени новые мои» она, лукаво поглядывая на Васю, выговаривала полушопотом: «Вы колхозные мои».

Вася сильно скорбел, но делать было нечего.

Через два дня редактор, прочтя поданные «Ах, вы сени» и «Во лузях», разочарованно проговорил:

— Нет, этого печатать мы не будем.

Кроме того Вася привез десятка два частушек. Редактор уже хотел послать их в типографию, но тут к нему подошел сотрудник Гриша Окунев и сказал:

— Не посылай. Эти частушки мы уже один раз печатали, и гонорар за них получил я: ведь частушки-то мои.

Из всего фольклора, собранного Васей, редакция опубликовала только пословицы. Надо сказать, что редактор сперва колебался, печатать эти пословицы или не печатать, потому что они никак не отображали

колхозной жизни. Это были такие пословицы: «Свинье не до поросят, когда ее палат», «Против ветра не подуеть» и т. д. Но секретарю редакции они понравились чрезвычайно.

— Ты подумай, сколько тут остроумия, — говорил секретарь редактору. — Ведь, когда свинью палат на костре, ей уже, действительно, не до поросят. Или вот насчет ветра. Попробуй-ка подуть против него...

На третий же день после опубликования пословиц в редакцию стали поступать письма читателей: дескать, поговорки-то эти народ сложил еще при князе Рюрике.

А спустя дней десять редактор прочел в областной газете злой фельетон: «О фольклоре и невежестве».

— Помнишь наш разговор о фольклоре, — сердито говорил секретарь райкома редактору. — Это очень серьезная и трудная штука, а ты послал на один день человека в Сисякино и смотри, какое конфузное дело получилось.

С тех пор прошло больше месяца. Редактор уже почти забыл о стыдной истории с фольклором, но сегодня вся она, до наименьших подробностей, вновь возникла в его памяти. Сегодня утром в кабинет редактора вошел полный румяный молодой человек с изысканным саквояжем. Это был Петр Кисельков, приехавший в Чуйский район за «направленным фольклором», а именно за былинами, сказами, поговорками и песнями, «отображающими стирание противоположностей между городом и деревней». Как и Владислав Червоточин, он пришел к редактору в надежде познакомиться уже собранными вещами.

Редактор, выслушав молодого человека, нахмурился, помрачнел и очень сухо сказал, что сбор фольклора — дело трудоемкое, а в редакции штат небольшой и заниматься былинами и сказами некому.

— Так неужели во всем городе никто не занимается фольклором? — упавшим голосом спросил Кисельков.

В эту минуту в кабинет редактора вошел сотрудник газеты Гриша Окунев. Прислушавшись к разговору, он засмеялся.

— А вот Ока Теркин фольклором у нас занимается, — сказал Гриша. — У него на любую тему фольклор есть. Вчера принес «Колхозный сказ о водоемах».

Редактор рукой махнул:

— Ну, о Теркине всерьез говорить нельзя.

— А кто этот... Теркин? — насторожился Кисельков.

ИТОГИ МАТЧА

Рис. И. Семенова

— Чем ты ушиб ногу?
— Головой.

— Да так, халуга тут одна, рванч замечательный, — стал рассказывать Гриша. — До революции он работал репортером в «Чуйском курьере», а теперь... и не поймешь, чем он занимается. Говорят, закупила какую-то широкую и торгует ею. Теперь он, между прочим, и фольклором занялся.

— А ну-ка, — сказал редактор Грише, — принеси его шедевральный сказ.

Гриша принес из соседней комнаты рукопись. На углу ее была редакторская пометка: «Не пойдет».

Редактор стал читать вслух:

«И проросли все наши пруды, прудики Дикой травкой-злабушкой.

И несет от водоемов наших колхозных Мизантропической надалью вдали,

И не водится в них рыба выскорентабельная, Уж как выскорентабельная да зеркальная, Советская рыба, частная карьера».

— Так! — возмущенно произнес Петя.

— Должен вам сказать, товарищи, что в фольклоре я кое-что понимаю, и уверю вас, что фразу «Несет от водоемов мизантропической выдумки вельз» это именно подслушано. Это настоящее...

Через час Петя вошел в домик, где квартирует Ока Теркин.

В душе, у шиты, Кисельков увидел человека средних лет, похожее на ежа: весь он какой-то шипитый, и глаза у него тонкие ежовые. Это и был Ока Теркин. Он провел гостя в комнату.

— Как вам вот это? — протянул он Киселькову рукопись. — Это я подслушал на массовых Микуданской МТС. Считаю, что вещь интересная и значительная.

Рукопись называлась «Пляч трактористки». Рассказывалось в «Пляче» вот о чем. МТС не успела вспахать всю зябу. Десятьсто восемь процентов вспахала, а два процента остались неспаханными, потому что раньше срока начались морозы, пошел снег. Но трактористки не могли примириться с тем, что два процента поля не вспаханы, и в лютую стужу вывели свой трактор на этот участок. Вся земля «покована ледком», «в очи дует злой Горыныч-ветер», а трактористки шипят и шипят «пляч». Посылает она этот «пляч» своему «миленькому», который «стоит на заставушке», охраняя «землю советскую от ледяных сказаний».

— Это не то, что мне надо, — проговорил Кисельков. — Мне нужно спрессовать противоположностей между городом и деревней.

Подумав, Теркин сказал:

— А вы когда уезжаете?

Запнул! Ну, к завтра, к вечеру, приготовили. Сырля-то у меня подслушано много, да вот надо привести все это в боеспособный вид...

Ночь. В саквояже Петра Киселькова лежит фольклор, «подслушанный» и «записанный» Окой Теркиным. Там и былины «Свет-солнышко механизация», и «Сказ о том, как Матрена Козодоева научилась банкетничать душе Галины Улановой».

Поезд несет его мимо колхозных деревень, где такая интересная жизнь, такие чудесные люди и где создается и уже создан новый фольклор, чистый, прозрачный, то нежный и прозрачный, то полный юмора...

Петр Кисельков спит. И снится этому молодому румянному подтянутому, что некто в очках, седой и сердитый, держит в руке добытые Кисельковым рукописи и негодуя спрессовывает.

— Кто принес мне эту пошлость?..

А. КОЛОСОВ

— А теперь я битый.

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ экспертов, знатоков и очевидцев, действие алкогольного напитка зависит только от его крепости. Взяв, например, обыкновенную, 40-градусную. Она действует преимущественно на ноги. От нее, поистине, на ногах не стоит человек! Что же касается разума, то он почти не подвергается изменению. Зато 56-градусная. О! Она действует совсем иначе. После нее ноги и вообще фигура сохраняют обычную стройность и устойчивость. Разум же теряется. То есть не то, чтобы навсегда. Но худо человеку! Держится он на ногах, но говорить ему хочется бесконечно и неудержимо, совершать хочется необыкновенные поступки, имеющие весьма мало общего с благоразумностью. И вообще — буйствовать!

Эти полезные сведения получены от весьма компетентных лиц, в самом, так сказать, горячем, а именно в ту славную похмельную ночь, которую автор вместе с художником Л. Сойфертисом провел в 50-м отделении милиции города Москвы с целью наблюдения правды.

Перед вами прошла целая, можно сказать, аллея оправданий. Тут были молодые люди и опытные сержанты, проводившие для последующей отправки в наряды и возвращавшиеся затем в абсолютной расслабленной форме. Один из них восторженно декларировал: «Моя милиция меня бережет!» Другой, наоборот, горчился тем, что с него выжали 45 рублей за медальонскую помощь. Он требовал точно указать ему, куда надо жаловаться. Третий произносил монолог о вреде алкоголя. Четвертый вопрошал самого себя.

— Какое я имею право толкать человека под трамвай, когда он жить хочет?

Пятый, уводящий санитаров, кричал:

— Не хочу я жить сегодня, чтобы умереть завтра!

Тайный смысл этой санитарики остался неразгаданным.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕМНИК

В ПОЛНОЧЬ в отделение явился трое: благообразный мужчина с лицом неволевого управителя, взволнованный гражданин в шиджике поверх сетки и молодая женщина. Все они были абсолютно трезвы. Что же их привело ночью в милицию? Благообразный, оказавшийся Политовым Захарием Николаевичем, рекомендовался ответственным семником.

— Эта женщина, заявил он, хочет воевать у этого гражданина.

Ночные встречи

на. Я этого допустить не могу! Беззаконие!

Выяснилось, что «эта женщина» — жена «этого гражданина», что торжественно подтверждается брачным свидетельством. Но Политов не желает, чтобы в квартире поселился еще один человек. Не хочет — и все! Никаких объяснений!

— Все равно выгоню! Все равно не пушу!

Взволнованный гражданин объясняет, что Политов доводится ему родным братом, что он, Политов-младший, имеет площадь и, следовательно, на своей площади может жить со своей законной супругой. Дежурный соглашается с ним. Но Политов-старший стоит на своем. Дежурный вручает супругам письменное разрешение жить да проживать да добра наживать. Политов грозит:

— Беззаконие! Я буду жаловаться! Не потерплю!

— Где вы работаете? — спрашивает его дежурный.

— Я редактор Всесоюзного радиокomiteта! — гордо заявляет ответственный семник.

Дежурный просит предъявить документы.

Политов небрежным жестом предъявляет просроченный членский билет Центрального дома журналиста за 1938 год. Удаляясь, он упрямо твердит:

— Беззаконие! Не потерплю!

ВЕСЕННИЕ ФЛЮНДЫ

ДОКТОР явился немедленно после катастрофы. Он констатировал, что его ограбили. Часы, путевки, пятьсот рублей. Ограбила женщина. При каких обстоятельствах? Гм... При нескольких необычных для солидного человека, отправившегося на час в город, оставившего дома жену и торопящегося вернуться поскорее к родному очагу. Видите ли, он случайно столкнулся с блондинкой... Это произошло на остановке трамвая... Доктор ужасно огорчен. И вовсе не тем, что бес толкнул его в ребро, что он вообще вел себя недопустимо постыдно. Он огорчен именно, видите ли, фактом похищения у него часов, путевки. Вообще, он возмущен: можно ли терять, когда эти... как их... ну, девицы... позволяют себе грабить ни в чем неповинных клиентов? Доктор кивает к органам власти! Он полон благородного негодования...

Весенние флюнды, соединяясь с алкоголическими парами, оказывают иногда странное действие. Воспаленное воображение рисует кое-кому фантастическую картину всеобщего разгула. Каждая женщина представляется им объектом для нападения. В чем дело? Почему нельзя?! Шофер С., желтый человек, доставлен прохожими за то, что приставал к гражданке, ожидавшей у аптеки заказанного лекарства. В милиции он заявил дежурному:

— Вы меня не воспитывайте! Меня союзная организация завет, как я себя знаю! Заденул какую-нибудь, а шум поднимают!

Другой уличный фланер доставлен за аналогичное поведение.

Девушка, к которой он приставал, вынуждена была позвонить из автомата на службу, откуда приехал ее сослуживец, доставивший молодца в милицию с помощью прохожих. Доставленный гордо отымел обвинение:

— Не я к ней приставал, а она стала поперек моего пути! А вообще, я посторонний человек.

Он несколько раз повторил два последних слова. Видно, ему понравилось это сочетание.

— Кто я? Я посторонний человек, — снова подчеркнул он, отвечая на вопрос о фамилии и имени.

ВСТРЕЧА В СТОЛИЦЕ

КОММЕРЧЕСКИЙ директор Куйбышевского карбюраторного завода Часовский и заместитель председателя завкома Задворнов прибыли в Москву по делам. Ничего особенного — очередная командировка. Железнодорожники Боршдикив и Какумин прибыли в Москву из Владивостока. Ничего особенного — очередная командировка. И те и другие — гости в столице. Но вот все четверо в три часа ночи оказались в отделении милиции. Коммерческий директор говорит:

— Почему я не могу пожить личной жизнью хотя бы ночью? Где — покажите мне закон! — где написано, что нельзя пить? Да я и не пил вовсе! Мы совсем немножко выпили. И выпили на площадь. Я не знаю, какая площадь, там бывают такси. А эти двое лезут без очереди! Заверяю вас: я никогда не подвергался телесным наказаниям. А вот этот профессор, смотрите, что сделал, — и он показывает разбитый палец.

«Профессор», гость из Владивостока, объясняет:

— У нас получилась некоторая перебранка ногами. Конечно, неудобно получилось... Он меня ногой... Кстате, какие у него ботинки? А, белые туфли! Ну, ничего... Я, конечно, дал ему тоже ногой. Он меня, я его. И всегда так буду, — говорит Боршдикив. — Хоть ты мне тридцать три штрафа выпиши!

Гость из Куйбышева, Задворнов, немедленно отвечает:

— Ты мне в Самаре не подался! А то я бы тебе показал как следует!..

РЕСТОРАННОЕ ПОБОИЩЕ

НАЧАЛЬНИК планового отдела главного управления обувной промышленности выглядит прескверно. Скажем прямо: отвратительно выглядит начальник! Красным и мокрым от крови платком он размазывает по всему лицу кровь, обильно текущую из разбитого носа. Начальнику предлагают вымыть лицо. Ни за что! Он боится утратить наглядное доказательство нанесенных ему побоев.

— Заявляю ответственно! — борется он.

— Нет, вы неответственно заявляете, — отзывается худощавый молодой человек, тот самый, который приложил руку к лицу начальника планового отдела.

Зарисовки Л. Сойфертиса

...Поистине, на ногах не стоит человек.

Наконец, удается восстановить картину происшествия, имевшего место в ресторане «Москва».

— Мы сидели вдвоем, — говорит начальник планового отдела: — я и начальник производственно-распределительного отдела Главка. Мы выпили... Сколько мы выпили? Стопку водки и бутылку пива... Нет... Что-то не так... Стопку пива и бутылку водки, — стал калькулировать плановик, — или две бутылки пива и одну стопку водки? Нет! Две стопки пива и две бутылки водки... В общем, не важно, сколько мы выпили... Важно, что меня никто никогда не бил! А теперь я битый!

Кабарихин, избивший начальника планового отдела, готов и сейчас ринуться в бой. Его едва сдерживают.

В ресторане начальник планового отдела выпивал с другим начальником. Небольшой отдых после трудового дня... Не единично, хе-хе, планами жив человек! Кабарихин сидел за соседним столом. Он тоже выпивал. Потом он расплатился и встал из-за стола. Тут поднялся наш начальник и заявил, что Кабарихин не расплатился с официантом. Почему? Кто его знает! Одна стопка водки и бутылка пива или, наоборот, одна стопка пива и бутылка водки, или, опять наоборот, две стопки водки... Словом, он выступил вперед! Официанты объяснили, что «все в порядке», они расплатились. Но начальник твердил свое. Тут Кабарихин развернулся и... и мы увидели то, во что превратился лик начальника.

Никаких иных способов разрешения конфликтов Кабарихин не знает: в морду — и все! Что касается начальника планового отдела, то он глубоко оскорблен. Чем? Да все тем же:

— Пусть мне не верят, но он не расплатился! Заявляю ответственно!..

* * *

... Ночь давно прошла. Вот уже два часа, как в отделении толчется подвыпивший парнишка, явившийся «лично, для оказания помощи органам милиции». Уйти он ни за что не хочет. Наконец он сдается:

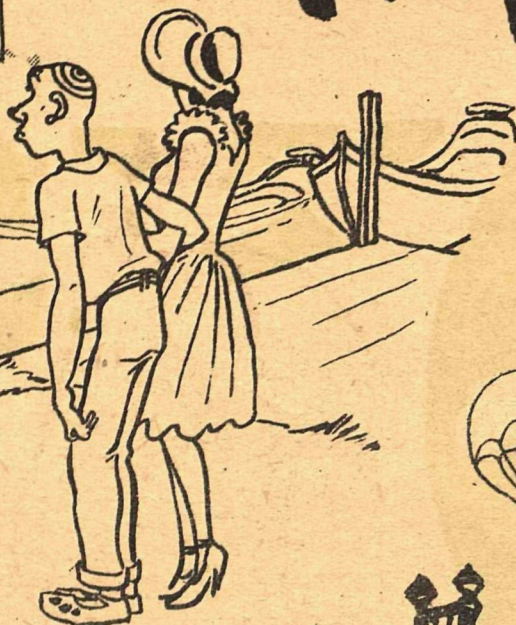
— Уйду! Но скажите мне: «До свиданья, Валентин Львович!» Э! Нет! Вы не так сказали! Я останусь!..

Дежурный машет рукой, а Валентин Львович, покачиваясь, идет навстречу новым посетителям:

— Пожалуйста! Я же тут освоился. Скажите мне: «До свиданья!» — и я ваш друг!

А. ИЛЬЧЕВ

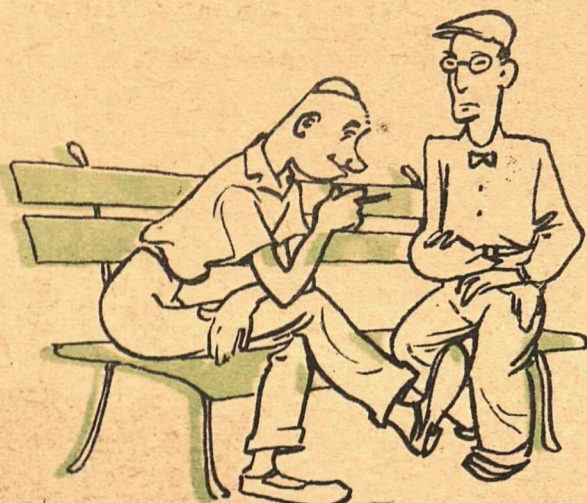
Труженики

Самое страшное место на реке.

Кошмарный сон дачника.

— Прожил тридцать дней в одно-
дневном доме отдыха, и не хотелось
уезжать.
— А я прожил один день в нашем
обыкновенном доме отдыха и сразу
же уехал.

— Вы долго думаете прожить в санатории?
— Если у мужа дома хватит здоровья, — проживу
еще месяц.

— Не понимаю, почему эту скалу называют „Пронеси господи“,
по-моему, это название больше подходит к Турбазе.

Календарь отпусков (составлен)

ОТДЫХА

Рис. К. Елисеева

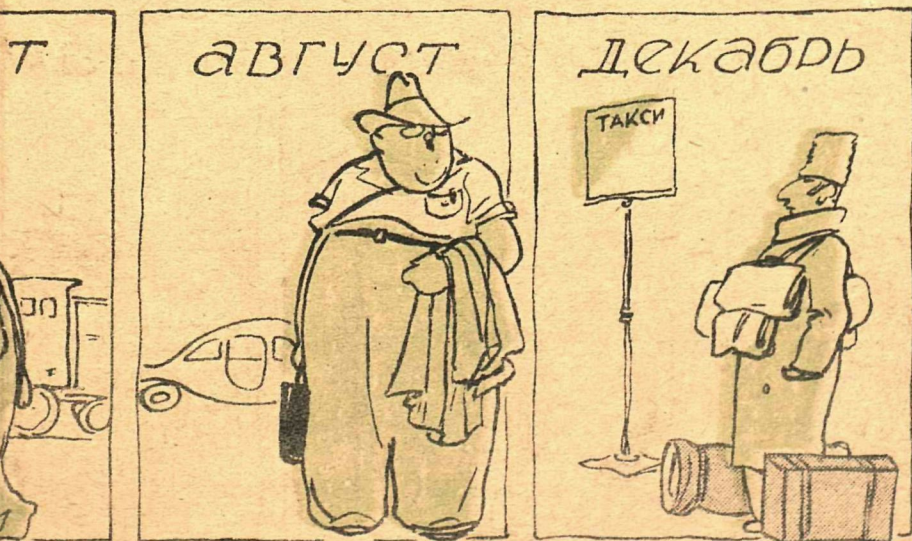
— Какой прекрасный запах! Сбегай, узнай, не привезли ли керосин.

— Какие процедуры вы тяжелее всего переносите?
— Долгое ожидание врача.

Летний отдых начальника Эпрона контрадмирала Крылова.

зляется в зависимости от занимаемой должности).

1. ДО СОБРАНИЯ

— Критиковать меня вы свободны...

(См. ниже)

В ПУТИ

КОГДА поезд отошел от станции и выходящие за кипятком, газетами и «просто так» пассажиры, вернувшись, разместились по своим местам, обнаружилось отсутствие гражданки, которая ехала с ребенком на нижнем месте. Ребенок, пятилетний мальчик, попрежнему находился на этом самом нижнем месте, а вот мамы не было. Вздвигнутые пассажиры бросились к проводнику.

Проводник очень спокойно объяснил, что, повидимому, с мамашей произошел типичный случай отставания от поезда, что волноваться не следует, что в Ростове, до которого ехала отставшая гражданка, он сдаст ее вещи вместе с ребенком дежурному по станции, а она приедет следующим поездом и что все будет в порядке.

Несмотря на это весь вагон начал очень горячо обсуждать это происшествие. Одни упрекали отставшую мамашу в том, что она, едучи с ребенком, одна вышла на станцию, что надо было ребенка взять с собой, чтоб вместе отстать. Другие упрекали себя, что позволили ей выйти, так как, поскольку она с ребенком, они должны были проявить чуткость и заботу и сами выйти купить, чего ей хотелось. Третьи вспоминали, где ее видели на станции: кто в буфете, когда она покупала черствую сдобу, кто на привокзальном базаре, когда она торговала жареную курицу. Пока шли все эти разговоры, оставшийся без мамы ребенок молча сидел и смотрел в окно. Несколько раз он оборачивался, поглядывая то на одну, то на другую дверь вагона и, наконец, громко спросил:

— А где моя мама?

— Твоя мама тю-тю! — ответил сидевший напротив него толстый пассажир. — Но ты того... не волнуйся. В Ростове она тебя нагонит. Ребенок несколько секунд молчал, как бы соображая, что произошло, и вдруг неожиданно громко заплакал.

— Фу, как нехорошо! — сказал толстый пассажир. — Такой большой, совершенно взрослый, можно сказать, мужчина — и плачет. Хочешь колбасы?

— Маму хочу, — проплакал ребенок.

— А ее нема. Понимаешь? От-ста-ла от поезда. Опоздала. Из-за тебя, поди. Тебе,

наверно, мармелад-шоколад покупала. А ты еще в претензии. Как звать-то?

— Во-о-ва-а!

— Владимир, значит. Хорошее имя. А по батюшке?

— Н-не знаю.

— Надо знать — не маленький. Сколько тебе?

— Н-не знаю.

— Опять не знаешь? В Ростов зачем едешь?

— К папе.

— К папе едешь, а как его звать, не знаешь? Ну, Владимир, скажем, Иванович, колбасы ты не хочешь, курить тебе равно, чем же тебя позабавить? Ложись-ка ты, брат, спать.

— Расскажи сказку, — сказал Вова и так же неожиданно перестал плакать, как и начал.

— Сказку? — удивился толстый пассажир. — Какую же тебе сказку рассказать? Ну, ладно, слушай... В некотором городе, в некотором доме не работал лифт. Год не работал, два не работал, жильцы к этому привыкли, домоуправление тоже, и все было, как говорится, в порядке. Как вдруг поступает ко мне от гражданина Мушкина, из сорок восьмой квартиры, заявление: что ежели не будет исправлен лифт, то он, имея нездоровое сердце, прекращает взнос платы за площадь и коммунальные услуги. Я, конечно, принимаю это за шутку и не обращаю внимания. Проходит месяц, он не платит, проходит второй — не платит. Вижу: это не шутка. Я к нему. Вы, говорю, товарищ Мушкин, есть злостный неплательщик.

— Кто? — спросил Вова.

— Злостный неплательщик. Это, который за квартиру не платит и еще злится, когда ему напоминают. А он набрасывается на меня, как лютый тигр...

Вова вздрогнул и громко заплакал.

— Ну, чего ты? Ты дальше слушай. Набрасывается он на меня, как лютый тигр. Кричит, орет: «Копейки от меня не получите, пока лифт не заработает. У меня сердце!» Ну, что тебе долго рассказывать. Так он это дело ловко повел, других жильцов организовал, что добились, подлец, своего: отремонтировал я лифт. Да перестань плакать-то. Не хочешь сказку слушать, так и скажи... — и толстый пассажир сердито отвернулся.

— Вы, товарищ, если не ошибаюсь, управдом? — спросил пассажир, лежавший на верхней полке.

— Управдом, — ответил толстый.

— У вас несколько не тот подход к детям. Вы ему еще о центральном отоплении расскажите. Это же ребенок, а не заведующий райжилотделом. Ему сказка нужна. Пошлите — сказка!

— Какую же ему еще сказку? В доме лифт заработал — и это не сказка?

— Сказка, да не та. Современная детская сказка должна сознательного ребенка ориентировать, будить и толкать. Ну какая ему польза для его будущей жизни из всего того, что вы рассказали?

— Как — какая? А, может, он современным тоже ремонта лифта добьется.

— Еще неизвестно, в каком этапе он будет жить, а вы его уже лифтом пугаете. Вовочка! Перестань плакать. Слушай, я тебе сказку расскажу.

Вова вытер кулачком глаза и перестал плакать.

— Вот молодец! Ну, слушай. Сказка интересная, полезная, с оргвыводами, — пассажир слез с верхней полки и сел рядом с Вовой. Жил да был маленький мальчик. Вроде тебя. Его тоже Вовой звали. Стал этот Вова замечать, что у него что-то покалывает в правом боку. Вова был мальчик умный, покладистый, что болезнь легче предупредить, чем лечить, он — к маме. Мама его тоже была культурная женщина, она вместе с ним — ко мне. Прощупываю я Вову и сразу же на стол

Разрежу ему животик и обнаружилось великодушный гнойный аппендицит. А не скажи Вова маме сразу, что у него болит, вряд ли он до мне на день — два поже, было бы поздно и умер бы Вова...

Вова опять задрожнул и опять заплакал.

— А у вас, если не ошибаюсь, товарищ доктор, тоже к детям не тот подход, — сказал управдом. — После такой сказки он еще громче орет.

— Капризный, избалованный ребенок, — ответил доктор и пошел обратно на верхнюю полку.

— Вовочка! Не слушай этих дядей, — сказал претий пассажир и, подойдя к Вове, поглаживал его по головке. — У одного зайчика был такой длинный хвост, что он ни разу не видел его конца и всегда в нем путался. Побоялся однажды этот зайчик в лес, а хвост за дерево зацепился и не пускает зайчика ни вперед, ни назад...

Вова громко засмеялся.

— В это время пробегала по лесу лиса.

— Лиса, лиса, — говорит зайчик, — помоги мне выпутаться...

События с хвостом зайчика разворачивались, Вова слушал, смеялся и, наконец, заснул.

— Ну вот, — сказал претий пассажир, обращаясь к доктору и управдому. — Дети есть дети, и сказки есть сказки. Не знаю, извлечет ли он пользу из этой сказки для своей будущей жизни, но для своей настоящей он уже навлек, — и, извернув одеяло своего и улыбающегося во сна Вову, тихонько отошел.

ЯКОВ РУДИН.

Верный способ

В самоубийственном припадке

Лев некий предложил в постели

И, вслаив, этот слепой видный

Расчетав с жизнью на терзание!

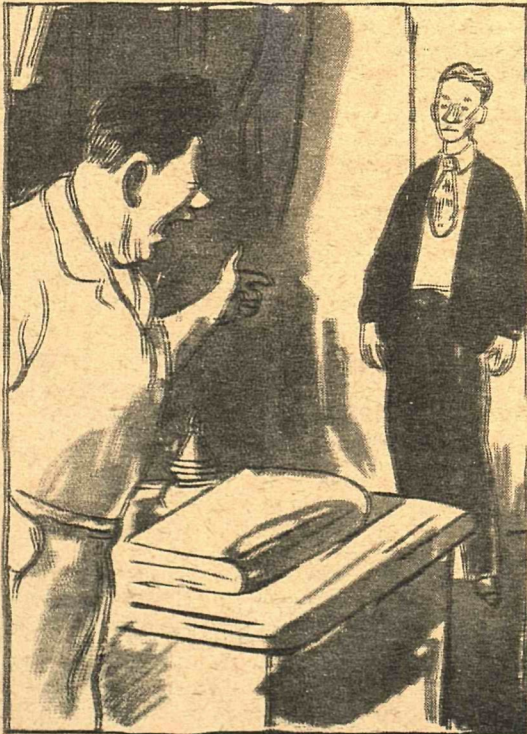
— Эй ты! Ведь можно дурачком стать!

Небось овердидеи вкус:

Лев, спав, заключил с Чернышом

Оборонительный союз!

В. АВИЛОВ

2. ПОСЛЕ СОБРАНИЯ

— Критиковать маму? Вы — свободны.

История одного дома

Сердце американцев там, где их деньги.

Рис. Б. Клинка

ПРИПЕРТЫЙ уличник к стене, упрямом сознался: он продал дом. Государственный — квартирный, на 20 квартир с балконами, дом был распродан по частям. Паровое отопление, паркет, крыша, разноцветный паразит — все, сверху и до основания, ушло в руки застройщиков, преимущественно частных.

— Чем вы занимались до... этого? — спросил управдома судья.

— Этим же и занимался, — хрипло ответил управдом. — Продавал, например, рельсы.

— Рельсы?

— Да, рельсы. Те, что занесли на улицы для укладки, — объяснил управдом.

— И никто не припритивил?

— А кому же, гражданин судья? Проклятым до рельсов нет дела, а миллионеры думали, что так надо.

— Хорошо, — сказал судья. — Вернемся к дому. Как вы стали его управляющим?

— Очень просто, гражданин судья. Дом — не завод и даже не мелкопроизводственный парек, где будущие директора филируют. А на месте управдома берут всякого. Иди, жди жидкий, хитрый, одиозный. Сначала я решил опробовать.

— То есть?

— То есть как многие управдомы — получать квартиру и ничего не делать. А потом меня рассердили жильцы. Стали они, скандалы, требовать ремонта. И я решил: ладно, покажу вам ремонт! Продам ваш дом.

— И какие вы предприняли первые шаги?

— Первые шаги я попросил сделать двух мажоров, граждан судья. Стали цинать ребята вокруг дома, дежурить его и так и нахаживать, а обещавшие жильцам опробовать на ушах, что дом подлежит сносу... И, ох, что было, гражданин судья! Такой переделок получилось — не описать. Сейчас же все как один побили меня, гражданин судья, в обменное бюро. Пытались поменять на любые варианты, вплоть до проходных. Но дураков нет, гражданин судья. Как кто перебрал в наш дом мажоры, я давал тому соответствующие намеки.

— Ну-с, а потом как пошло дело?

— По маслу, гражданин судья. Потерпел, значит, моральное в смысле обмане, жильцы стали осыпать жалобными заявлениями, райсовет, горсовет. Что только ни писали: и дом, ивод, иребный, и красновый, и за черту не выходит.

— Каков результат жалоб?

— На меня заявления просто не отвечали, а на других, на разработанных делах, сносили штамп: «отклонено».

— А вы?

— А я не ждал, гражданин судья. Быстро на дворе стало лето, и продал паровой котел, а зимой аннулировал балансовики. И всегда восторге из жалоб, не выдерживали провады, куда-то выехали, разобрали в их квартирах черт, двери, арматуру.

— Постепенно, значит, реформы.

— В общем, довел дом до такого состояния, что он должен был не сегодня-завтра рухнуть.

— И рухнул?

— Нет, не дали ему, гражданин судья. На него, портового уличный пейник, наконец обратили внимание городские власти и... поставили убрать дом немедленно.

— Позвольте! — воскликнул судья. — А не заинтересовались ли в тот момент эти власти причиной состояния дома, не поставили ли они взыскать и привлечь виновников к уголовной ответственности?

— Вы что, гражданин судья, с душой, повините, свалились? — возразил несправедливый. — Покажите мне хотя бы одно судебное дело, возбужденное против управдома.

Судья смущился, перелистал Свод законов. — Вот тут есть закон, когда ты принимаешь строителей домов, если они плохи.

— Это всем известно. Но как только дом переходит в эксплуатацию, за сохранность его, по существу, уже никто не отвечает...

БОРИС АГАРОВ

— Да, сэр, сердце пока прекрасно работает. Только остерегайтесь ожирения.

Случай на почте

На почте начальник отдела доставки. С утра посетителям не дал ни справки. С квартала минувшего он Лыбонкой тоской удручен. Печальные думы в лирическом стиле, Как итемнел ачтовый, его придавили. Начальник расстроен весьма, Что нет от любимой письма. Вздыхал он, девичьи головки рисуи, О двух выходных, протекающих все... Мечтал он к любимой на грудь, Как марка к конверту, прильнуть. Сегодня начальник сего отделения В приказе прочел о своем увольнении. И думал, читая приказ: «Не тут-то к влюбленным у нас». Сказали ему: «Вам прочесть не мешало б

Сто сорок еще не разобранных жалоб! Открыл он свой письменный стол И жалобу чью-то прочел: «...Я вам уж послала четыре пакета, На письма и жалобы нету ответа. Верните мне письма назад, Вы больше не мой адресат! Бездушный чинуша, моральный калека! Возможно ль такого любить человека? Себя и за это стыжу И замуж надих выхожу!» На стуле подпрыгнул начальник доставки, Как будто его пронизали булавки, Воскликнул: «Всеми я виной!» — И скорбно поник головой

Ян. САШИН

Рис. Н. Семенова

— В этой части парка развелось хулиганство. Надо будет фонарь убрать, а то его разобьют.

Внимательный Стамескин

ЛОЗУНГ о внимании к человеку бухгалтер Стамескин воспринял как неприятный, однако безусловно обязательный циркуляр. С той поры он поставил себе правило все семь часов пребывания в тресте, включая сюда и обеденный перерыв, оказывать сослуживцам заботу и внимание. В выходные же дни, лежа на диване, он подводил в уме итог проявленным за истекшую пятидневку трудам и сильно огорчался.

Странно! Почему-то все облагодетельствованные Стамескиным люди оказывались поразительно неблагодарными.

Взять хотя бы младшего счетовода Лиду Титову. Всем в тресте было известно, что у Лиды произошла размолвка с ее женихом. Все видели, что она ходит с заплаканными глазами, но никто не подумал проявить к ней внимание. Нет, больше того: сослуживцы в своей черствости зашли так далеко, что старались не заменять ее огорчения. Делали вид, что ничего не случилось.

И только Стамескин решил разбить эту стену холодного равнодушия к живому человеку!

В аккуратно разграфленной книжечке Стамескина, в клеточке третьего дня пятидневки, появилась запись: «Титова. Проявить внимание».

Утром в назначенный день, придя в учреждение, Стамескин поспешил приступить к делу.

— Жизнь прекрасна, — сказал он, подходя к Лиде и пригласив знакомых остальных сотрудников принять участие в беседе. — Плоньте, Лидочка, на этого дурака, ей богу, плоньте!

— Какого дурака? — вздрогнув, спросила Лидка. — О ком вы говорите?

— Ну вот, о ком говорю! — захохотал Стамескин, не замечая злобных взглядов сослуживцев. — Да о бывшем вашем женихе — о ком же еще? Ну, погоревала, и будет. Поидите сегодня в кино, культурно развлекетесь — и все как рукой снимет...

Стамескин расчувствовался и уже хотел, пожертвовав вечерним отдыхом, предложить

Лиде пойти в кино с ней вместе, но Лидка прервала его пламенную речь:

— Я знаю только одного дурака. Но он никогда не был моим женихом!

Незаслуженно обиженный Стамескин полпелся к своему столу. Черствые, неблагодарные люди!..

А последний случай с завхозом? Этот человек, носящий неблагозвучную фамилию Заготконь, долго мучил Стамескина. Выражаясь профессиональным языком, он был чем-то вроде переходящего остатка, значась последовательно в целом ряде клеток записной книжки Стамескина. Значился он в первом квартале, потом перешел на второй и все еще оставался несбалансированным. Попреемному Стамескину ощущал внутреннюю потребность проявить заботу об этой жертве алкоголизма.

Известно было, Заготконь пьет нечасто. Но выпив, обязательно наскандалит и попадает в милицию.

Накануне Заготконь снова был пьян и поскандалил с вагоновожатым трамвая, требуя, чтобы тот вел вагон ближе к протуару. На него составили протокол и завели дело по обвинению в хулиганстве.

Стамескин поймал его в коридоре и укоризненно спросил:

— Что же это? А?

Заготконь молчал. Но Стамескин решил не сдаваться. Он доберется до корня этой загадки! Что именно толкает пьяного человека на необдуманные слова и поступки? Может быть, тут все дело в недостатке к нему внимания?

— Вот что, Заготконь, — твердо сказал Стамескин, хватая его за рукав, — мы сегодня с вами выпиваем. Согласны?

Заготконь стал застенчиво отнекиваться, однако заметно оживился. Условились встретиться сегодня у пивной на углу.

Сидя вечером с завхозом в пивной, Стамескин с опрашиванием пил горькое пиво и удивлялся видимому наслаждению, с которым Заготконь опорожничал бутылку за бутылкой. Жизнь человека, посвятившего себя заботам о людях, начинала казаться Стамескину горькой,

как пиво. Впрочем, странное дело: чем дальше, тем пивная горечь давала себя чувствовать все меньше и меньше. Он уже азартно чокался с завхозом и громко, стараясь перекричать весь мировой шум, откуда-то возникший в его ушах, требовал подавать ему пиво не бутылками, а в каких-то жбанах.

— Иван Николанч, — шептал пивоустойчивый Заготконь, — прошу вас, не скандайте. Вас же никто не задирал!

— Внимания! — немного погодя шумел Стамескин, выводимый под руку официантом. — Я требую, наконец, внимания!

Был уже поздний час. На улицах прохожих было мало. Заготконь тащил упирившегося Стамескина, стараясь миновать перекрестки с постовыми милиционерами.

— Почему же ты не скандалишь? — горестно упрекал его Стамескин. — Я тебя угостил как человека, а ты — что? Значит, плакали мои денежки? Говори: будешь скандалить или не будешь?

— Да зачем мне скандалить? Меня не трогают, и я не трогаю.

— Ах, не трогают?! Так вот же я тебя сейчас трону! Я тебе, подлецу, окажу заботу до конца!

Стамескин развернулся. Завхоз, испугавшись, схватил его за руку. Стамескин воинственно закричал и, потеряв равновесие, упал, увлекая за собой завхоза. Раздался свисток милиционера.

— Опять? — укоризненно говорил Заготконь дежурный по отделению. — Опять вы хулиганите. Ну зачем пристали к гражданину?

— Да ведь не я, это он меня затронул! — оправдывался Заготконь.

— Вчера вы то же самое утверждали, — улыбаясь дежурный. — Ну-с, ничего не поделаешь, платите штраф десять рублей.

На следующий день все заметили резкую перемену в поведении Стамескина. Он держал себя сухо и замкнуто, ни к кому больше не приставая с советами и заботами. Помимо того он стал проявлять и кое-какие странности.

Когда начался обеденный перерыв и из радиопупора раздалось громкое «Внимание! Внимание!», Стамескин, вздрогнув, поспешно вышел из комнаты.

— Опять требуют внимания, — бормотал он, опасливо оглядываясь. — Нет уж, довольно с меня внимания!

А. ШАМКОВИЧ

Ростов на Дону.

ЖЕНА ДА УБОИТСЯ...

Имеет ли право советский гражданин избивать свою жену?

На этот мучительный вопрос Сурхан-Дарьинский окружной суд прямого ответа не дает. Но зато этот же суд со всей очевидностью констатирует, что жена, посмеявшая жаловаться на буйного мужа, выворотившего ей скулы, подлежит уголовному наказанию.

Но мы напрасно начали с финала. Увертюра к судебной симфонии, о которой идет речь, не менее изумительна. Содержание же увертюры таково. Заведующий Ширабадским райОНО Бухарской области гражданин Алманов, для которого кулаки являются одним из испытанных педагогических приемов, дал «урок» своей жене Мухамадиевой. После «урока» у Мухамадиевой оказались серьезные повреждения на лице и шее. Народный суд приговорил Алманова к 1½ годам лишения свободы.

Дело перешло в Сурхан-Дарьинский окружной суд. Несмотря на полное признание хулигана, судьи не поверили ему и направили дело на исследование. Одновременно суд постановил привлечь к уголовной ответственности потерпевшую Мухамадиеву как человека, подорвавшего жалобой на зверские действия своего мужа его авторитет ответственного работника.

Рискуя быть обвиненными в подрыве авторитета не одного, а целых трех ответственных судей, вынесших мудрое решение. Это председатель Сурхан-Дарьинского окружного суда Шадыеков и члены суда Искандерова и Ибрагимов. Пусть слава об этой тройке проникнет во все углы нашей страны вплоть до Наркомюста Союза!

ВОСПИТАТЕЛЬ (Робинзону Крузо, Пятнице и другим):— Что вы? Сюда нельзя! Видите, ребенок занят.

— Правда ли, что без витаминов нельзя жить?
— Пустяки! У нас аптекарь убеждал, так он с собой кассу захватил, а витамины оставил.

Как ваше имя?

НА ТРАМВАЙНОЙ остановке рядом со мной двое в тюбетейках громко беседовали. Один из них, очкастый, разговаривая, то и дело заглядывал в маленькую книжечку, которую держал в руках.

— Ты, правда, очень, Яков,— говорил он товарищу.— Но я, Фекла, тоже не Лия... Вижу, ты не в духе...

— Отстань!

— Ясно, не в духе,— продолжал очкастый.— Всегда Макар, почему ты сегодня такой Эрнст? Что-нибудь случилось?

— Отстань! Говорю же ничего не случилось.

— Брось... Ну скажи, какая Дебора тебя укусила?

— Никакая! Честное слово... Просто так...

— Ты даешь мне в этом Елизавету?

— Даю Елизавету.

— Ну,— успокоился очкастый,— тогда ты Карл...

Друзья долго молчали. Заинтригованный, я обратился к старшему:

— Скажите, на каком языке вы сейчас говорили?

— Это не язык,— ответила тюбетейка,— это просто немного «ономатологии»...

— Не понимаю,— признался я.

— Сейчас поймете. «Ономатология» — наука об именах. По этой науке выходит, что каждое имя имеет свое значение. Вот я с товарищем и разговаривал именами. Очень экономно. Иное короткое имя заменяет целую фразу... Пожалуйста, можете сами убедиться,— и очкастый протянул мне свою книжечку.

Я внимательно рассмотрел эту монографию. Она содержит 15 страничек-листуток. На обложке детская головка. Под головкой интригующее название: «Как ваше имя?» Ниже подзаголовок: «Словарик имен».

Издано это «пособие» в Ленинграде. Издатель — «Дом занимательной науки». Редактор —

В. А. Камский. Тираж (не редактора, а книжечки) — 200 000. Цена — 60 копеек.

В книжке собрано сто человеческих имен обоего пола. Против каждого имени дана его расшифровка:

Анна — благодать. Галина — штиль на море, Прохор — начальник хора. А Исаак, например, значит: «она смеется»...

Приведенные выше, в фразах очкастого, имена, оказываются означают: Яков — хитрый, Фекла — слава богу, Лия — телка, Макар — веселый, Эрнст — серьезный, Дебора — пчела, Елизавета — клятва, Карл — молодец.

Подставьте вместо имен их значение — и тайное станет явным... Впрочем, и после этого кое-что все-таки останется непонятным, именно: что общего у этой монографии с занимательной наукой? Кому нужна эта книжечка? Кому и чему она должна служить? Наконец, при чем тут почтенная наука об именах, «ономатология»?

«Словарик имен» сопровождает пространное послесловие. Оказывается, этот труд должен прийти на помощь мамам, папам, бабушкам и дедушкам, которым предстоит выбрать имя для новорожденных дочки или сына, внука, или внучки. В этих случаях, если верить «занимательной науке», родственники всегда испытывают муки творчества. Споры о том, какое выбрать имя, омрачают радостное рождение нового человека. «Ибо,— как утверждает редактор Камский,— хорошее и красивое русское имя «Иван» почему-то напоминает дедушке что-то такое маленькое, красненькое, вроде жучка, а «Елизавета» напоминает бабушке почему-то гофрированную материю»...

Почему гофрированную материю, а не ливерную колбасу,— этого редактор не объясняет... Но, разумеется, узнав, что «Варвара» значит иностранка, «Клавдия» — хромая, «Екатерина» — непорочная, «Маргарита» — жемчужина, «Марк» — увядший, а «Кузьма» — красивый, бабушки и дедушки легко сделают свой выбор.

Кроме того книжечка дает ряд полезных советов. Из этого раздела узнается, что имена «Троллейбус» для мальчика и «Печаль» для девочки нельзя признать очень удачными, точно так же, добавим мы, как мальчишковые «Одеколон», «Бриолин» и девичьи «Пудра» и «Помада»...

Наконец, мамам и бабушкам внушается, что такие имена и отчества, как «Носорог Президентович», «Фиалка Тигровна» и «Резеда Крокодиловна», не совсем будут оправданы и естественны, поскольку слова, из которых они составлены, еще не потеряли свое «вещное» значение...

Трудно спорить против разумности этих советов. Сейчас-то мы, по крайней мере, можем быть спокойны, что ни один отец и ни одна советская бабушка не назовут своего сына «Навуходоносором», а внучку — «Ингалицей» или «Экспедицией»...

Все же при всей своей полноте рецензируемая монография страдает одним существенным недостатком: нам известна только фамилия редактора, но мы не знаем, как его зовут...

— Как ваше имя? — хотели бы мы спросить также товарища, ответственного за это издание.

Какой досадный пробел! Ведь если бы мы знали, как зовут этих людей, мы легко могли бы, пользуясь той же книжечкой, раскрыть значение их имен. А это помогло бы нам раскрыть весь замысел и пролить нужный свет на всю эту «занимательную науку»...

Ал. СВЕТЛОВ

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ШОФЕР

По городу Владивостоку стало небезопасно ходить. Дело в том, что там завелся шофер, с которого, как говорится, «взятки гладки»: как хочет, так и едет, и никаких правил не признает. Фамилия этого шофера — Тарасенко, и возит он прокурора города Владивостока тов. Артемова.

Однажды постовой милиционер Проскуряков, не зная, что Тарасенко пользуется этаким «неприкосновенностью», оштрафовал его на 5 рублей.

Немедленно прокурор Артемов вызвал Проскурякова к себе, сделал «внушение» и написал следующую записку:

«Начальнику Автоинспекции

Штраф в размере 5 рублей с шофера Тарасенко взят неправильно. Предлагаю штраф вернуть обратно, так как шофер выполнял мое распоряжение.

Артемов».

Интересно, на страже каких законов стоит тов. Артемов?

Рис. К. Елисеева

— Я стою на вашей точке зрения.
— Немедленно сойдите! На моей точке зрения могу стоять только я один.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Я имел неосторожность внести рационализаторское предложение по разделке рыбной гастрономии. В своей беспечности я дошел до того, что изобрел специальный нож, который: а) повышал производительность труда, б) уменьшал отходы, в) сохранял ценные пищевые качества рыбы.

Еще 20 апреля 1939 года приказом за № 238 нарком торговли СССР тов. Любимов предложил широко внедрить мое рационализаторское предложение, выразил мне благодарность и даже премировал меня.

Благодарность и премию я принял, а вот ножи моей конструкции до сих пор неготовы, хотя нарком и предложил Главинвентарторгу изготовить 5 тысяч таких ножей еще к 1 июня 1939 года.

Инструкции и плакаты, как пользоваться ножом, давно изданы, чертежи разработаны, а ножей нет. За что я получил премию, за что меня благодарили?

Угрызения совести не дают мне покоя. Я прошу только: а) не надо премировать за предложения, которые не осуществляются, и б) не надо издавать приказов, которые не выполняются.

С. СЛОБОЖАНКИН

Москва.

Дорогой Крокодил!

Недавно, находясь в командировке в Курской области, я на дверях новооскольского продмага увидел такое объявление:

«Требуется кошка-«крысоловка», оплата по соглашению. Продмаг».

Легко представить себе, с какими трудностями встретится новооскольский продмаг при выборе кандидата для замещения ответственной должности.

Может ведь случиться, что кошка окажется обжорой и в первую же ночь обестоя колбасой. Или окажется ленивым, некалорийным котом, и не он, а крысы его разорвут при первом же знакомстве. А то, наконец, кошка кроме всего потребует еще и оплаты подъемных и мягкого вагона для себя и членов семьи...

Что и говорить, у новооскольского продмага положение незавидное...

А. МУРЗИН

Курск.

Дорогой Крокодил!

Ровеньковский районный прокурор Анянцевский позвонил по телефону на шахту № 30 и предложил главному бухгалтеру срочно явиться к нему по важному делу. Чтоб не было сомнений в важности

вызова, прокурор послал еще и почтой официальное отношение.

От шахты до прокуратуры 15 километров. Главбух честно прошел это расстояние пешком и, когда явился в прокуратуру, обнаружил, что прокурор куда-то уехал на таратайке.

Благо, секретарь оказался приветливым: он не сказал «приходите завтра», а тут же объяснил, в чем дело. Оказывается, главбух вызывали за тем, чтобы выяснить, работает ли на шахте № 30 некто Шапочка Федор. Главбух ответил, что таковой Шапочка работает на другой шахте, № 35. Тогда секретарь попросил главбуха передать Шапочке Федору исполнительный лист.

— А теперь вы свободны. Можете идти... — сказал любезный секретарь и проводил главбуха до самых дверей.

Не правда ли, подобное обращение с гражданами заслуживает всяческого поощрения? И курьеры не страдают от чрезмерной перегрузки, и прочие граждане приносят посильную пользу делу революционной законности.

Ф. ЛЯШЕВСКИЙ

город Ровеньки,
Воронцовградской области.

Уважаемый Крокодил!

Следователь Вачского района, Горьковской области, Зайцев обратился к прокурорам Чувашской и Мордовской автономных республик, Куйбышевской и Горьковской областей с просьбой произвести розыск гр. Дмитриева Николая Харитоновича.

Чтоб облегчить розыск, Зайцев услужливо сообщил, между прочим,

следующие приметы Дмитриева: «волосы на бороде и усах рыжие, язык во рту с левой стороны откусенный вырванный клин, по профессии плотник-столяр, при себе имеет столярный инструмент».

Работники прокуратуры, к которым обратился Зайцев, поставлены в тупик. Предположим, Дмитриев сбреет свои рыжие волосы на бороде и усах и утерчет свой столярный инструмент. Как тогда обнаружить Дмитриева? Единственная надежда на то, что Дмитриев будет ходить, высунув свой откусенный язык. А если он догадается и будет держать язык за зубами?

Н. ФРОЛОВ,

нарсудья

с. Ардатов, Горьковской области.

Дорогой Крокодил!

Как тебе известно, желатин по своим клеящим качествам должен быть тверд, гладок, упруг, блестящ... Все эти качества присущи персонально и начальнику «Главклейжелпрома» т. Н. С. Ворнакову.

Однажды Ворнаков посетил московский желатиновый завод. Когда легковая машина, увозя начальника, подъехала к воротам контрольного поста, вахтер т. Кадыкина по обязанности контроля заглянула в машину, прежде чем открыть ворота.

Ах, что тут случилось! Ворнаков вышел из себя. Ворнаков вышел из машины. Он кинулся в помещение контрольного поста и поднял крик, называя осмотр его машины хулиганством и невежеством.

Тут же, с контрольного поста, стал звонить техническому дире-

ктору, твердо требуя объявить Кадыкиной строгий выговор. Уходя из комнаты, с блеском произнес: «Сволочи!» После чего отбыл.

Мы не удивимся, если после такого визита к Ворнакову прочую пристанет кличка «вельможа», для чего не потребуется никакого клея.

ЕРШКОВ, начальник подготовительного цеха,

БОЛЬШАКОВ, начальник желофанового цеха,

КОНОВАЛОВ, мастер подготовительного цеха,

Москва.

Дорогой Крокодил!

Можно ли в принудительном порядке заставить кого-нибудь получать удовольствие? У нас в Урюпинске это далеко не праздный вопрос.

Пошли мы как-то в драматический театр. Ставили пьесу Островского «Лес». Плохая игра актеров нам не понравилась, и мы решили уйти из театра в антракте перед последним действием. Но не тут-то было: нам наотрез отказались выдать на вешалке пальто.

— У нас такое правило: обязательно досматривать пьесу до конца.

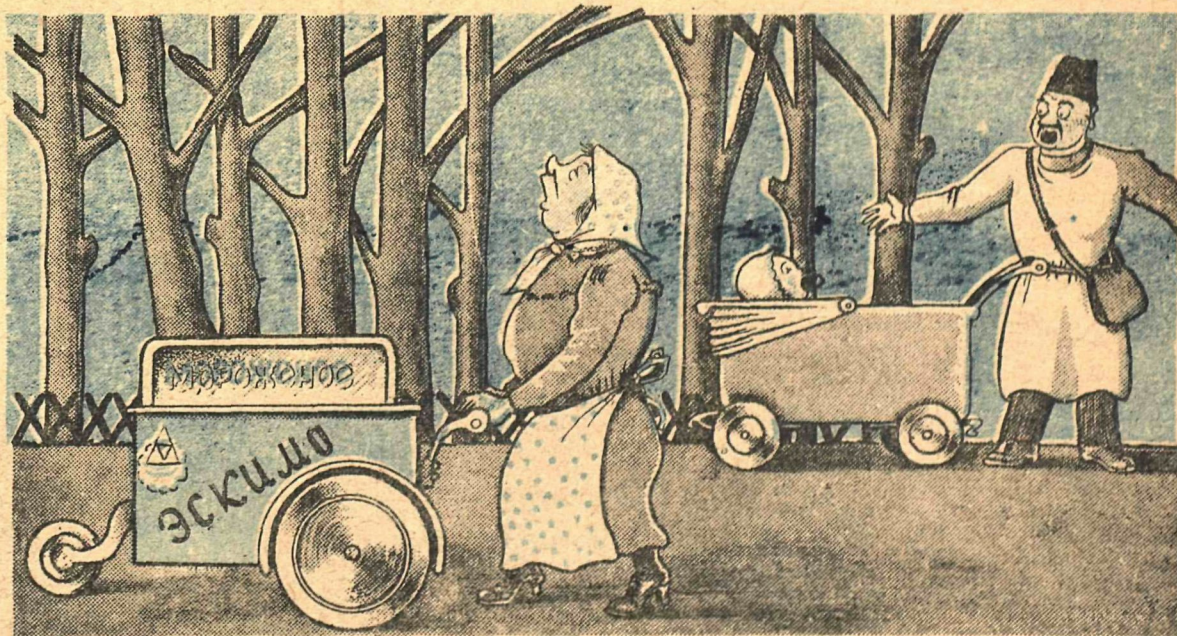
И мы подумали: как хорошо, что урюпинские театральные деятели не подражают греческому театру, где спектакли продолжались с утра до вечера! Хотя возможно, древние греки играли несколько лучше урюпинцев.

С. ЕРШОВ,

П. ПАВЛЕНКО.

В. ПЕТРУКОВСКАЯ,
инженеры.

Рис. Н. Отарова

Рассеянная няня.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва. Изд. 636

Сдача текста и рисунков 20/VI 1940 г.

Подписано к печати 27/VI 1940 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—28060. Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2137. Тираж 271 000 экз.

34

ПО УХАБАМ ВОЙНЫ

Рис. Ю. Ганфа

ОБЪЕКТ В РЕЗЕРВ
6.01.1940
Боец, Кн. Болоток Белучевы

Период	Лет	Журн.
1940	8/10	
Сдан в архив	8/10	

— Как бы чего не растерять!